Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2026. Т. 24, № 3. С. 97–118
Lomonosov Pedagogical Education Journal. 2026. Vol. 24, № 3. P. 97–118

ЭМПИРИЧЕСКИЕ СТАТЬИ / EMPIRICAL STUDIES

Научная статья / Research Article
https://doi.org/10.55959/LPEJ-26-18
УДК/UDC 37.035.6(510)

Реформирование детского движения в России и Китае: сравнительно-педагогический анализ

Ли Бо[1], Р.А. Валеева[1, 2] ✉, Янь Линьлинь[1]

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация
[2] Ляонинский педагогический университет, Далянь, Китайская Народная Республика

✉ valeykin@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В условиях трансформации воспитательных систем и поиска эффективных механизмов социализации подрастающего поколения особое значение приобретает анализ опыта реформирования детских и молодежных организаций в разных странах. Россия и Китай, обладая уникальными историческими традициями детского движения, в последние годы осуществили масштабные реформы, требующие педагогического осмысления.

Цель. Выявить общие и различные тенденции, педагогические основания и результаты реформирования детского движения в России и Китае, определить факторы, влияющие на эффективность воспитательных систем.

Выборка. Исследование основано на анализе нормативно-правовых документов, программ реформ, статистических данных и научных публикаций, отражающих деятельность Общероссийского движения детей и молодежи «Движение первых» и Пионерской организации Китая в период 2015–2025 гг.

Методы. Применялись методы сравнительно-педагогического анализа, теоретического моделирования, контент-анализа документов (ручная кодификация категорий), а также педагогическая интерпретация организационно-методических решений.

Результаты. Выявлены значимые различия в исходных условиях реформ (преемственность в Китае vs институциональный разрыв в РФ), в целевых установках (акцент на формировании коллективной идентичности в Китае vs формирование гражданской идентичности через индивидуальный выбор в РФ), в подходах к кадровому обеспечению и формам реализации

© Ли, Б., Валеева, Р.А., Янь, Л., 2026

воспитательной деятельности. Показано, что китайская реформа опиралась на сохранение организационной структуры и обеспечила высокую степень системности. Российская реформа, столкнувшись с необходимостью воссоздания воспитательной системы, успешно сформировала институциональную рамку и сетевую структуру, однако содержательное наполнение деятельности находится в стадии активного становления.
Выводы. Эффективность реформирования детского движения определяется преемственностью воспитательного опыта, устойчивостью кадрового состава, деятельностным характером воспитания и балансом между государственным заказом и субъектностью детей. Китайская модель демонстрирует преимущества институциональной стабильности и массовости, российская — сочетает создание общенациональной структуры с поиском оптимальных форм работы и общественного признания. Системообразующими факторами успешности реформ выступают кадровая политика (статус и мотивация пионервожатых) и характер встроенности организации в школьную систему (соотношение добровольности и институциональной включенности).

Ключевые слова: детское движение, сравнительная педагогика, реформа воспитания, «Движение первых», Пионерская организация Китая, социальное воспитание, кадровое обеспечение

Для цитирования: Ли, Б., Валеева, Р.А., Янь, Л. (2026). Реформирование детского движения в России и Китае: сравнительно-педагогический анализ. *Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование, 24*(3), 97–118. https://doi.org/10.55959/LPEJ-26-18

Reforming the Children's Movement in Russia and China: A Comparative Pedagogical Analysis

Li Bo[1], Roza A. Valeeva[1, 2] ✉, Yan Linlin [1]

[1] Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation
[2] Liaoning Normal University, Dalian, People's Republic of China

✉ valeykin@yandex.ru

Abstract
Background. Against the backdrop of transforming educational systems and the search for effective mechanisms for the socialization of the younger generation,

analyzing the experience of reforming children's and youth organizations in various countries takes on particular significance. Russia and China, possessing unique historical traditions of the children's movement, have in recent years implemented large-scale reforms that require pedagogical reflection.
Objective is to identify common and distinct trends, pedagogical foundations, and outcomes of the reform of the children's movement in Russia and China, and to determine the factors influencing the effectiveness of educational systems.
Study Participants. The study is based on the analysis of regulatory documents, reform programmes, statistical data, and scientific publications reflecting the activities of the All-Russian Children's and Youth Movement "Movement of the First" and the Chinese Pioneer Organization during the period 2015–2025.
Methods. Methods of comparative pedagogical analysis, theoretical modeling, content analysis of documents (manual coding of categories), as well as pedagogical interpretation of organizational and methodological decisions were applied.
Results. Significant differences were identified in the initial conditions of the reforms (continuity in China vs. institutional rupture in Russia), in the objectives (emphasis on the formation of collective identity in China vs. the formation of civic identity through individual choice in Russia), and in the approaches to staffing and the forms of educational activities. It is shown that the Chinese reform relied on preserving the organizational structure and ensured a high degree of systematicity. The Russian reform, faced with the need to rebuild the educational system, successfully established an institutional framework and a network structure; however, the substantive content of the activities is still in the active development stage.
Conclusions. The effectiveness of reforming the children's movement is determined by the continuity of educational experience, the stability of the staff, the activity-based nature of education, and the balance between state mandates and children's agency. The Chinese model demonstrates the advantages of institutional stability and mass participation, while the Russian model combines the creation of a nationwide structure with the search for optimal forms of operation and public recognition. The key factors determining the success of reforms are personnel policy (the status and motivation of Pioneer leaders) and the nature of the organization's integration into the school system (the balance between voluntarism and institutional inclusion).

Keywords: children's movement, comparative pedagogy, educational reform, "Movement of the First", Chinese Pioneer Organization, social education, staffing

© Li, B., Valeeva, R.A., Yan, L., 2026

For citation: Li, B., Valeeva, R.A., Yan, L. (2026). Reforming the children's movement in Russia and China: a comparative pedagogical analysis. *Lomonosov Pedagogical Education Journal, 24*(3), 97–118. https://doi.org/10.55959/LPEJ-26-18

Введение

В современной педагогике детское движение рассматривается как важнейший институт социального воспитания, обеспечивающий передачу ценностей, развитие социальной активности и становление гражданской идентичности подрастающего поколения. Как отмечает В.А. Сластенин, педагогическая значимость детского движения раскрывается лишь тогда, когда его деятельность социально ориентирована, организационно оформлена и основана на реальном участии самих детей (Сластенин и др., 2013). В последние десятилетия как в России, так и в Китае были предприняты масштабные реформы детских организаций, что делает актуальным их сравнительное изучение с позиций педагогической науки. Трансформация воспитательных систем, поиск эффективных механизмов социализации в условиях цифровизации и в условиях новых вызовов общественного развития требуют критического осмысления опыта двух стран, каждая из которых обладает уникальными традициями детского движения.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют концепции социального воспитания (Мудрик, 2013), положения педагогической компаративистики (Борисенков, Пэйхэн, 2024), идеи деятельностного подхода (Леонтьев, 2004), а также современные исследования детского движения в России (Ситнова, 2023; Бочков, Агишева, 2024) и Китае (Chen, Liu, 2022).

Методы исследования

Для достижения поставленной цели использовался комплекс взаимодополняющих методов педагогического исследования. Жанр работы можно определить как теоретико-сравнительное исследование с элементами педагогического моделирования, что обусловлено фокусом на выявлении структурно-содержательных закономерностей реформ при отсутствии первичных эмпирических замеров.

Теоретические методы. Сравнительно-педагогический анализ позволил выявить сходства и различия в реформах детского движе-

ния в России и Китае по таким параметрам, как исходные условия, нормативно-правовая база, целевые ориентиры, организационные структуры, механизмы стимулирования, кадровое обеспечение и практические формы работы. Системный анализ применялся для рассмотрения каждого параметра как целостного явления, включающего взаимосвязанные компоненты: целевой, содержательный, организационный, кадровый и результативный. Контент-анализ нормативных документов (законов, уставов, программ реформ) проводился вручную с выделением ключевых категорий: «целевые ориентиры», «принципы деятельности», «механизмы стимулирования», «требования к кадрам». Анализировались тексты на русском и китайском языках с последующей унификацией категорий для сопоставления. Педагогическая интерпретация использовалась для осмысления организационно-методических решений с позиций педагогической теории (принципы воспитания, деятельностный подход, теория социального воспитания).

Эмпирические методы. Анализ документов включал изучение 18 источников (нормативно-правовые акты, программные документы, научные публикации, статистические отчеты). Выводы об общественной реакции и восприятии реформ основаны на вторичном анализе данных, представленных в рецензируемых научных публикациях, включая результаты опросов, цитируемые в работах А.А. Ситновой, Д.В. Бочкова, О.М. Агишевой, а также в китайских источниках (He, 2019; Chen, Liu, 2022). Непосредственного сбора первичных эмпирических данных (анкетирование, интервью) в рамках данного исследования не проводилось. Соответственно, выводы, касающиеся восприятия реформ участниками и общественностью, следует рассматривать как обобщение педагогических рисков, фиксируемых исследователями, а не как результаты прямого эмпирического измерения. Элементы сравнительного анализа статистических данных позволили сопоставить масштабы охвата, количественные показатели развития организационной сети, динамику кадрового обеспечения.

Этапы исследования. Исследование проводилось в три этапа. 1. Аналитический этап — сбор и первичная обработка материалов по каждой из стран. 2. Сравнительный этап — сопоставление выделенных параметров с построением сравнительных таблиц. 3. Интерпретационный этап — формулирование педагогических выводов и практических рекомендаций.

Выборка

Эмпирическая база исследования формировалась на основе принципов репрезентативности, хронологической определенности и жанрового разнообразия источников.

Хронологические рамки. Исследование охватывает период с 2015 по 2025 г. Нижняя граница связана с созданием Российского движения школьников (2015), верхняя — с принятием новой редакции Устава Пионерской организации Китая (Charter of the Young Pioneers…, 2025) и завершением первого этапа реализации государственной программы «Строительство державы в сфере образования» (2024–2035).

В качестве источников использовались:

По России:

— нормативно-правовые акты: Федеральный закон № 82-ФЗ (1995)[1], Федеральный закон № 98-ФЗ (1995)[2], Указ Президента РФ № 536 (2015)[3], Федеральный закон № 261-ФЗ (2022)[4];
— программные документы: Устав «Движения первых» (2022);
— научные публикации: статьи в рецензируемых журналах (Ситнова, 2023; Бочков, Агишева, 2024);
— статистические данные получены из отчетов Министерства просвещения РФ, официальных данных «Движения первых». На 2025 г. в движении зарегистрировано более 5,2 млн участников в возрасте от 6 до 25 лет, первичные отделения открыты в 84% школ страны. Российские статистические данные учитывают все возрастные группы вместе (младше 25 лет). При сравнении с китайскими данными необходимо принимать во внимание, что китайская детская организация охватывает возраст от 6 до 14 лет. Корректно сравнивать показатели можно только с поправкой на охват: при общей базе детей 6–14 лет около 15 млн человек, исследуемая

[1] Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/7877 (дата обращения: 20.06.2026).

[2] Федеральный закон от 28.06.1995 № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/8019 (дата обращения: 20.06.2026).

[3] Указ Президента РФ от 29.10.2015 № 536 «О создании Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации "Российское движение школьников"». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40137 (дата обращения: 20.06.2026).

[4] Федеральный закон от 14.07.2022 № 261-ФЗ «О Российском движении детей и молодежи». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48153 (дата обращения: 20.06.2026).

выборка покрывает не более 27–30% от этой численности. Эта цифра показательна для добровольного, сетевого характера организации, поскольку членство не является обязательным и не связано напрямую со школьным образованием.

По Китаю:

— нормативно-правовые документы: «Мнение ЦК КПК о всестороннем усилении работы Пионерской организации в новую эпоху» (Opinions…, 2021), «Устав Пионерской организации Китая» (Charter of the Young…, 2025), «Положение о вожатых Пионерской организации» (Management…, 2023);
— политические документы: План реализации программы по всестороннему созданию социализированной системы работы 2022–2025;
— академические статьи в китайских научных журналах (Dong, 2025; Chen, Liu, 2022), а также магистерская диссертация (He, 2019);
— статистические данные получены из Ежегодного отчета Национального комитета организации пионеров. В пионерской организации Китая состоит более 113 млн пионеров. Эту цифру следует рассматривать в контексте того, что участие в организации является частью школьной системы. Поскольку на момент публикации исследования в Китае насчитывалось 100–113 млн детей в возрасте 6–14 лет и поскольку практически полный формальный охват приходится на целевую возрастную группу, это соответствует почти 100% охвату. В системе работают более 3 млн школьных пионервожатых и свыше 3 млн внешкольных вожатых.

Обоснование выбора источников. Источники выбирались по нормативному статусу (законы, декреты, конституции), по статусу рецензирования (статьи в журналах ВАК и их китайских аналогах) или по хронологии (материалы указывают на текущее состояние реформ). Для проверки выводов о масштабах формального охвата и динамике, наблюдаемой в развитии организаций, были привлечены статистические данные.

Результаты исследования

1. Педагогические предпосылки и исторический контекст реформ

Россия: институциональный разрыв и система, перестроенная заново

История детского движения в России в конце XX — начале XXI в. показывает сложный путь изменения организационных моделей на фоне смены социально-политических приоритетов. После принятия Федерального закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (1995 г.) возникла нормативная основа для деятельности детских организаций нового типа, что позволило формироваться множеству инициативных объединений. Принципиальное значение имело также принятие Федерального закона № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (1995 г.), который легитимировал статус негосударственных организаций как полноправных субъектов воспитания. С педагогической точки зрения этот период характеризуется переходом от унифицированной государственной системы воспитания к вариативной модели, допускающей разнообразие организационных форм.

В 2000-е гг. сформировались десятки молодежных объединений (СПО-ФДО, «Юная Россия», скаутские организации, региональные пионерские союзы), создававшие вариативную инфраструктуру воспитания. Как отмечает А.А. Ситнова, «децентрализация воспитания привела к утрате координации, но одновременно создала условия для апробации разнообразных форм детской самоорганизации» (Ситнова, 2023, с. 144).

В начале 2010-х гг. государство инициировало анализ состояния детских организаций и пришло к необходимости создания единой общенациональной структуры, что привело к учреждению Общероссийского общественно-государственного движения «Российское движение школьников» (РДШ) в 2015 г. (Указ Президента РФ № 536, 2015 г.). Однако движение охватывало преимущественно школьников, вследствие чего возникла потребность в расширении возрастной категории и объединении нескольких молодежных организаций в единое пространство.

14 июля 2022 г. был принят Федеральный закон № 261-ФЗ «О Российском движении детей и молодежи», положивший начало

всероссийской организации «Движение первых». Как отмечают Д.В. Бочков и О.М. Агишева, создание движения стало ответом на современные вызовы, связанные с необходимостью формирования устойчивой гражданской позиции, патриотизма и ценностных ориентаций молодежи (Бочков, Агишева, 2024). Девиз организации — «Быть с Россией, быть человеком, быть вместе, быть в движении, быть первыми» — отражает ценности, заявленные ее участниками. Среди ключевых ценностей обозначены жизнь и достоинство, патриотизм, семья, созидательный труд, взаимопомощь, единство народов России и историческая память (Устав «Движения первых», 2025).

Говоря об институциональном разрыве, необходимо отметить, что советская пионерская организация также сталкивалась с хроническими проблемами формализма и бюрократизации, которые были предметом критики со стороны педагогов еще в 1980-е гг. Таким образом, российская реформа не только наследует разрыв позитивной традиции, но и освобождается от устаревших структур, что создает возможности для построения принципиально иной модели, свободной от инерции прошлого.

Китайская Народная Республика: преемственность и системная модернизация

В новую эпоху пионерская организация Китая провела системную трансформацию, руководствуясь «Мнением ЦК КПК о всестороннем усилении работы Пионерской организации в новую эпоху» (Opinions..., 2021). Реформа фокусируется на пяти ключевых областях: организационная система, механизмы стимулирования, практическое воспитание, кадры пионервожатых и институциональное строительство. Цель реформы — переход от традиционной внутришкольной модели работы к расширенной образовательной парадигме, предполагающей координацию школы и внешней социальной среды, а также обеспечение преемственности воспитательной работы на различных возрастных этапах.

Важно подчеркнуть, что китайская реформа также была ответом на унаследованные проблемы: в предшествующий период в работе пионерских организаций наблюдались явления формализма и бюрократизации, которые требовали преодоления. Как отмечает He Liang, «формализм и бюрократизация пионерской работы оставались ключевыми вызовами, несмотря на все усилия по модернизации» (He, 2019, p. 58). Таким образом, реформа в Китае, как и в России,

направлена на обновление воспитательной системы, но при сохранении организационной преемственности.

Во всех средних и начальных школах страны созданы школьные комитеты пионерской организации, руководимые директорами школ. Активно расширяются внешкольные организации: в микрорайонах, деревнях, дворцах молодежи. Выдвинута цель к концу 2025 г. достичь уровня создания комитетов пионерской организации не менее чем в 40% микрорайонов, где есть школы. Внедрен прием в организацию по принципу «достигли стандарта — приняли в организацию», что сделало процесс вступления живым процессом «предпионерского воспитания». Создана система знаков отличия, состоящая из базовых, специальных и звездных значков. Строгая преемственность между организациями была обеспечена механизмом «рекомендации лучших в комсомол». Пересмотренное в 2023 г. «Положение о вожатых пионерской организации» определяет их как «идеологических и политических работников Партии среди детей и подростков» (Management..., 2023). Новая редакция «Устава Пионерской организации Китая» (2025 г.) включает современные политические требования (Charter of the Young…, 2025). Работа Пионерской организации включена в государственные проекты высшего уровня: «Программа развития детей Китая (2021–2030 гг.)», «Строительство державы в сфере образования (2024–2035 гг.)» (Notice..., 2022).

2. Сравнительный педагогический анализ реформ

В Таблице представлена обобщенная сравнительная характеристика ключевых параметров реформ.

Таблица
Сравнительная характеристика реформ детского движения в России и Китае

Параметр	Российская Федерация («Движение первых»)	Китайская Народная Республика (Пионерская организация)
Исходные условия	Институциональный разрыв, утрата методической школы	Сохранение организационной структуры, преемственность
Целевая функция	Формирование гражданской идентичности через индивидуальный выбор и проектную деятельность	Формирование коллективной идентичности как базы воспитания
Возрастной диапазон	6–25 лет	6–14 лет (с последующим переходом в комсомол)

Кадровое обеспечение	Дефицит квалифицированных кадров, низкая оплата труда	Система подготовки, приравнивание к учителям, массовое привлечение внешкольных пионервожатых
Механизмы стимулирования	Добровольность, индивидуальные достижения, проектная деятельность	Поэтапная система значков, принцип «достиг стандарта — принят», рекомендация в комсомол
Практическое воспитание	Проектные треки, медиа, социальные практики	Интеграция в школьную систему, внешкольные базы, брендовые мероприятия
Охват (формальный)	5,2 млн участников, 84% школ (в возрастной группе 6–14 лет охват ~27–30%)	113 млн пионеров, практически 100% детей 6–14 лет
Ключевые вызовы	Риски формализации, становление содержательной идентичности, кадровое обеспечение	Риски формализации, соотношение добровольности и институциональной включенности, региональные диспропорции

Table
Comparative Analysis of Reforms in the Children's Movement in Russia and China

Parameter	**Russian Federation ("Movement of the First")**	**People's Republic of China (Pioneer Organization)**
Initial conditions	Institutional gap, loss of a methodological school	Maintaining the organizational structure, continuity
Objective function	The Development of Civic Identity Through Individual Choice and Project-Based Activities	The Development of Collective Identity as the Foundation of Education
Age range	Ages 6–25	Ages 6–14 (followed by admission to the Komsomol)
Staffing	Shortage of skilled workers, low wages	Training system, recognition as teachers, widespread recruitment of extracurricular Pioneer leaders
Incentive mechanisms	Volunteerism, individual achievements, project-based activities	A tiered badge system, the "meet the standard — accepted» principle, and a recommendation to join the Komsomol
Practical Education	Project tracks, media, social practices	Integration into the school system, extracurricular facilities, branded events

Enrollment (formal)	5.2 million participants, 84% of schools (coverage of ~27–30% in the 6–14 age group)	113 million Pioneers, representing nearly 100% of children aged 6–14
Key Challenges	Risks of formalization, the development of substantive identity, staffing	Risks of formalization, the balance between voluntarism and institutional inclusion, regional disparities

3. Анализ ключевых характеристик: исходные условия как педагогический ресурс — два типа преемственности

В России реформы стартовали после распада СССР, когда прежняя воспитательная система была полностью упразднена. Это привело к разрыву живой традиции и практически полной утрате накопленного опыта. Сегодня его фрагменты приходится воссоздавать заново, опираясь на современные форматы — проектную деятельность, медиасреду, грантовые конкурсы. Российская преемственность поэтому носит главным образом смысловой характер: она реализуется через обращение к знаковым историческим датам (таким как 100-летие пионерии), через риторику наставничества. Однако институционально «Движение первых» представляет собой принципиально новую структуру.

Китай, напротив, подобного обвала традиции не пережил. Пионерская организация сохранилась, и реформа могла опереться на действующую структуру. Организационная преемственность обеспечила работающие механизмы передачи опыта, что заметно ускорило сами преобразования. При этом китайская реформа целенаправленно преодолевает негативные практики прошлого, прежде всего, формализм и бюрократизацию.

Вместе с тем институциональный разрыв в России несет в себе и позитивное измерение. Отсутствие жесткой централизованной, идеологизированной и замкнутой исключительно на школе советской пионерской системы открыло возможность заложить в «Движении первых» принципиально иные основания: добровольность (членство перестало быть условием обучения) и вариативность (вместо обязательной программы — гибкая адаптация к местным условиям). Таким образом, российский «разрыв» — это не только разрыв в методической школьной системе, но и свобода от утомительных структур, способствующая развитию субъектности детей вне жестких институциональных рамок. Поэтому китайская преемственность, высокая скорость реформ и широкий охват — это неоднозначное благо,

воспроизводящее старые унаследованные проблемы: «В пионерской работе все новые модернизационные усилия едва ли изменили старое наследие: формализм остается центральной проблемой наряду с бюрократизацией» (He, 2019, p. 58).

Целевые ориентиры: характер субъектности и возрастная архитектура

Россия стремилась создать социально-государственную модель самоорганизованного детского движения с акцентом на партнерство и гражданскую вовлеченность. Суть российских целевых установок заключается в позиционировании гражданской идентичности, основанной на индивидуальном выборе и различных по формам проектах, поддерживающих личную инициативу. Китай стремится добиться большей образовательной и организационной эффективности в текущей системе, сохраняя при этом ее массовый характер и ценность патриотизма. Цель здесь направлена на формирование системной личностной идентичности, ориентированной на образование. Все это проявляется в коллективных практиках, систематизированных стандартах и наличии четких этических оснований деятельности.

Возрастная архитектура также отличается. Российское «Движение первых» объединяет детей 6–25 лет и обеспечивает горизонтальное наставничество. В Китае пионерская организация имеет узкий возрастной диапазон (6–14), а затем осуществляется переход к Коммунистическому союзу молодежи (в возрасте 14–28 лет).

Кадровое обеспечение предполагает разработку системных мер для формирования и повышения роли пионерских вожатых (институт пионерских вожатых как персонала, эквивалентного учителю; пересмотр категорий должностей, чтобы обеспечить массовый набор вожатых из числа работников вне рамок школьного обучения). Российская реформа, несмотря на декларацию значимости наставничества, не подкреплена соответствующими финансовыми и статусными механизмами. Исследования показывают, что в России «зарплата педагога-организатора, отвечающего за работу движения в школе, в 2–3 раза ниже средней по региону, что делает эту профессию непривлекательной для молодых специалистов» (Бочков, Агишева, 2024, с. 49). В Китае же, согласно «Положению о вожатых Пионерской организации» (2023), пионервожатые включены в систему педагогических должностей с возможностью получения надбавок и квалификационных категорий, что создает устойчивую мотивацию для кадров.

Если взглянуть на результативность в контексте именно педагогической эффективности, картина приобретает неоднозначный характер.

В России действительно удалось выстроить новую сеть организаций и обеспечить институциональное присутствие в школах: первичные отделения охватили 84% учебных заведений, а общая численность участников превысила 5,2 млн человек. Однако качественные параметры (глубина реальной вовлеченности детей, осознание ими ценностно-смысловой миссии движения, степень воплощения принципа добровольности) пока находятся в стадии становления и требуют пристального педагогического внимания.

Иной путь избрал Китай. Опираясь на масштабную инфраструктурную и кадровую базу, страна развернула реформу сразу во всех провинциях: было организовано массовое обучение пионервожатых, разработаны и внедрены четкие образовательные стандарты для пионеров. В итоге численность пионерской организации превысила 113 млн человек. Однако за этой внушительной цифрой просматривается скорее почти тотальный формальный охват, нежели свидетельство глубокой внутренней включенности ребенка. Важно подчеркнуть, что, поскольку членство в пионерской организации в большей или меньшей степени является обязательным для учащихся начальной и средней школы, охват носит формальный характер. Это также означает, что возникают определенные педагогические проблемы, прежде всего из-за напряжения между добровольностью и институциональным включением, а также из-за риска формализации деятельности в недостаточно обеспеченных ресурсами регионах. Согласно китайским исследованиям, в сельских и удаленных районах деятельность пионерской организации часто сводится к простой формальности: «в некоторых школах работа пионерской организации сводится только к церемониям и обмену отчетами; содержательная деятельность заменяется бюрократическими процедурами» (Dong, 2025, p. 37). Тем самым можно сделать вывод, что 100% охват в Китае объясняется институциональными механизмами, а не педагогическим успехом как таковым.

Цифровая среда как инновационный компонент образования

Обе страны активно цифровизируют детское движение. Цифровые платформы выполняют не просто учетную функцию — они формируют новое пространство взаимодействия. В России это реализуется через геймификацию достижений на интегрированной

национальной платформе «Будь в движении», где собраны сведения об участниках, объявления о мероприятиях и портфолио достижений. В Китае пионерская работа встроена в национальную систему «умного образования»: участие школьников в мероприятиях фиксируется автоматически. Однако цифровизация имеет двойственные последствия. С одной стороны, она повышает прозрачность и управляемость, с другой — возникает риск подмены живого участия формальными отчетами и пресловутыми «галочками» в электронных журналах, что лишь закрепляет формализм (Йигит, 2025, с. 74-80).

К сожалению, в обеих системах «гонка показателей» все чаще вытесняет живое педагогическое общение: вместо непосредственного контакта с детьми педагоги вынуждены загружать фотографии и заполнять статистические формы. В России проблема усугубляется тем, что у педагогов-организаторов почти не остается времени на содержательную работу. Силы уходят на заполнение формальных цифровых отчетов, мало чем отличающихся от бумажной бюрократии. В Китае, как подчеркивает Хэ Лян, «цифровые платформы нередко становятся самоцелью: вместо живого общения с детьми пионервожатый тратит время на загрузку фотографий и статистических форм» (He, 2019, p. 63).

Таким образом, цифровая среда, будучи мощным инструментом масштабирования, требует продуманного педагогического регулирования, иначе она рискует превратиться в очередной механизм бюрократизации.

Обсуждение результатов

Полученные в ходе сравнительного анализа данные позволяют увидеть их в более широком теоретическом контексте — в контексте ключевых проблем современной педагогики.

Один из центральных аспектов здесь — институциональная преемственность как фактор результативности реформ, причем ее природа оказывается двойственной. Когда организационная структура сохраняется (как в китайской модели), преобразования идут заметно быстрее и более системно, чем в ситуации институционального разрыва, характерного для российского варианта. Утрата накопленного методического опыта, разрушение выстроенной системы подготовки кадров и отказ от живых традиций наставничества создают барьеры долговременного характера. Преодолеть их одними лишь административными решениями невозможно. Необходима гораздо более тонкая и последовательная работа. Однако, как показано выше,

российский разрыв имеет и позитивное измерение: он позволил конституировать «Движение первых» на принципах добровольности и вариативности, свободных от жесткой институциональной инерции советской пионерии. В свою очередь, китайская преемственность, обеспечивая стабильность, одновременно воспроизводит унаследованные риски формализма. Таким образом, преемственность выступает не как однозначное благо, а как амбивалентный ресурс, требующий осознанного управления.

Следующая проблемная зона — это дилемма «государственный заказ — детская субъектность» и операционализация деятельностного подхода. Обе страны сталкиваются с фундаментальным противоречием: необходимостью сформировать у детей заданные ценности и одновременно развивать их самостоятельность. При этом трактовка субъектности в двух педагогических традициях различается. В китайской модели, опирающейся на коллективистские ценности, субъектность ребенка преимущественно понимается как ответственное исполнение роли в коллективе, следование установленным нормам и активное участие в общей деятельности. Российская традиция (постсоветская, с акцентом на индивидуализацию) рассматривает субъектность прежде всего как способность к самоопределению, личной инициативе и осознанному выбору в вариативной среде. Китайская модель делает акцент на четкой ценностной основе, что обеспечивает высокую степень управляемости воспитательным процессом; российская — декларирует большую вариативность, что сопряжено с задачей согласования разных педагогических подходов в рамках единой воспитательной системы.

Обращение к идеям деятельностного подхода (Леонтьев, 2004) позволяет выявить глубинное сходство обеих систем, несмотря на их декларируемые различия. В обеих странах сохраняется «вертикальная» логика воспитания: взрослый (государство, педагог, вожатый) задает нормы, ценности и форматы деятельности, а ребенок выступает преимущественно как объект педагогических воздействий, усваивающий заданное. В китайской модели эта вертикаль усилена четкой ценностной определенностью и де-факто обязательностью участия. В российской модели вертикаль ослаблена институционально, но не заменена горизонтальными механизмами.

Сравнение кадровой политики также выявляет принципиальное различие и отражает слабую сторону воспитательной реформы. Китайская реформа включает системные меры по повышению статуса пионервожатых, что создает устойчивый кадровый потенциал.

Российская реформа не подкреплена соответствующими финансовыми и статусными механизмами, что приводит к дефициту квалифицированных кадров на местах и делает эту профессию непривлекательной, а текучесть кадров достигает критических значений в ряде регионов (Бочков, Агишева, 2024, с. 50).

В обеих странах исследователи фиксируют риск формализации деятельности, однако природа этого вызова существенно различается. В Китае, как отмечает He Liang, «формализм проявляется в бюрократизации системы значков и в том, что членство в пионерской организации, являясь формально добровольным, на практике становится необходимым условием нормального школьного обучения» (He, 2019, p. 52). Здесь ключевая проблема — де-факто обязательность при формальной добровольности: членство вписано в школьный уклад, и отказ от него создает социальные и административные сложности для семьи. В России же вызов носит иной характер: добровольность членства реальна, но конкуренция за свободное время ребенка со стороны коммерческого дополнительного образования, высокой учебной нагрузки и альтернативных досуговых практик приводит к низкой мотивации к участию в детском движении. Российский формализм выражается не в принудительном членстве, а в непонимании детьми и родителями миссии движения, а также в подмене реального участия отчетностью.

Ограничения исследования

Данное исследование имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации его результатов.

1. Отсутствие первичных эмпирических данных. Работа основана на анализе документов и вторичном анализе опубликованных исследований. Не проводилось анкетирования, интервью или наблюдения, что не позволяет делать выводы о реальном восприятии реформ самими детьми, родителями и педагогами на микроуровне.
2. Сложность верификации китайских статистических данных. Официальные отчеты Всекитайского комитета пионерской организации отражают формальные показатели охвата, но не позволяют дифференцировать глубокую вовлеченность от номинального членства. Аналогичная проблема характерна и для российской статистики: показатели численности участников и количества первичных отделений могут включать формально зачисленных, но реально неактивных детей, что обусловлено «эффектом отчетности» на местах.

3. Языковой барьер и смысловые потери. При интерпретации китайских терминов (например, «субъектность») существует риск переноса европейского понимания индивидуализированной субъектности на коллективистский контекст.
4. Хронологическая динамика. Реформы в обеих странах продолжаются, и сделанные выводы отражают ситуацию на период 2025 г. Дальнейшие изменения (например, корректировка кадровой политики в России или углубление социализированной модели в Китае) могут потребовать пересмотра некоторых положений.

Выводы

На основе проведенного сравнительного педагогического анализа реформ детского движения в России и Китае можно сформулировать следующие выводы:

1. Исходные условия реформ определяют их траекторию, но не предопределяют однозначно эффективность. Китай, сохранив организационную структуру, имел возможность модернизировать действующую систему. Россия, столкнувшись с институциональным разрывом, вынуждена создавать систему воспитания фактически заново. Вместе с тем этот разрыв содействовал реализации принципов добровольности и вариативности, тогда как китайская преемственность связана с необходимостью преодоления унаследованных форм формализма.
2. Целевые установки реформ детских организаций в России и Китае различаются: в российской модели приоритет отдается гражданской идентичности через индивидуальный выбор и проектную работу, в китайской — коллективной идентичности. Вместе с тем общим вызовом для обеих стран остается переход от «вертикальной» логики (нормирование сверху) к подлинно деятельностной модели воспитания.
3. Кадровое обеспечение является критическим фактором успешности реформы. Китайская реформа включает системные меры по повышению статуса пионервожатых (приравнивание к учителям, введение должностных категорий), российская — не подкреплена соответствующими механизмами, что ведет к дефициту квалифицированных кадров и высокой текучести.

4. Средовые условия (конкуренция за время ребенка) существенно влияют на результативность. В Китае реформа синхронизирована с политикой «двойного сокращения» (это мера реформы базового образования, предложенная Китаем в июле 2021 г., которая подразумевает снижение нагрузки на учащихся в виде домашних заданий и внешкольных учебных занятий на этапе обязательного образования). В России движение функционирует в условиях высокой учебной нагрузки и коммерциализации дополнительного образования, что создает дополнительные барьеры для вовлечения детей.
5. Формализм и проблема соотношения добровольности и институциональной включенности являются общими вызовами, но имеют разную природу. В Китае это фактическая обязательность членства, встроенного в школьную систему; в России — формально сохраненная добровольность, а также низкая мотивация к участию в условиях высокой конкуренции за свободное время школьников.
6. Эффективность реформы определяется сочетанием факторов, среди которых системообразующими выступают кадровая политика и характер встроенности организации в школьную систему. Устойчивость кадрового состава (статус, оплата, система подготовки) задает возможность для долгосрочного выстраивания отношений наставничества. Встроенность в школу, с одной стороны, обеспечивает массовость, с другой — порождает риски формализма и подавления добровольности. Оптимальный баланс между этими параметрами является ключевым условием педагогической эффективности.

Практическое применение

Результаты исследования имеют практическую значимость для разработки и корректировки воспитательной политики в России. Практическое значение имеет китайский опыт по обеспечению кадрового состава руководителей пионерской организации; изменению системы подготовки педагогических кадров в вузах, стимулированию выпускников, выбирающих карьеру организатора воспитательной работы; по разработке системы поэтапной фиксации достижений (значки, ступени), адаптируя его к российской традиции добровольности и вариативности, с акцентом на публичное признание личностного роста и индивидуальных результатов; разработке механизмов поддержки детских инициатив, при которых проекты и мероприятия

инициируются самими участниками движения, а взрослые выступают в роли фасилитаторов, а не единственных организаторов.

Список литературы

Борисенков, В.П., Пэйхэн, Ч. (2024). Особенности подготовки учителя к нравственному воспитанию школьников в современном Китае. *Социальная педагогика в России*, (5), 85–95.

Бочков, Д.В., Агишева, О.М. (2024). Движение первых — новая модель воспитательного пространства. Открытая электронная библиотека научно-образовательных ресурсов Оренбуржья. Оренбург: Изд-во ОГПУ.

Йигит, Э. (2025). От экранов к системам: почему качественный контент все еще важен в эпоху ИИ? *Современное дошкольное образование, 19*(4), 74–80.

Леонтьев, А.Н. (2004). Деятельность. Сознание. Личность. Москва: Изд-во «Смысл», «Академия».

Мудрик, А.В. (2013). Социальная педагогика. Москва: Изд-во «Академия».

Ситнова, А.А. (2023). Детские общественные объединения: от пионерии к российскому движению детей и молодежи «Движение первых». История становления и развития. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева,* (2), 142–151.

Сластенин, В.А., Исаев, И.Ф., Шиянов, Е.Н. (2013). Педагогика. Москва: Изд-во «Академия».

Устав Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых». (2025). URL: https://будьвдвижении.рф/files/ustav-obshcherossiyskogo-obshchestvenno-gosudarstvennogo-dvizheniya-detey-i-molodezhi-dvizhenie-perv (дата обращения: 20.06.2026).

Charter of the Young Pioneers of China. (2025). *Communist Youth League of China*, (11), 20–22

Chen, L., Liu, Y. (2022). The History, Achievements and Experiences of the Party's Leadership in the Construction of the Young Pioneers since the Reform and Opening Up. *Youth Research and Practice*, (2), 60–68.

Dong, B. (2025). The Spark of Youth Illuminates the Journey of Dreams: A Retrospective of the Five-Year Work of the Young Pioneers of China. *Communist Youth League of China*, (11), 36–38.

He, L. (2019). A Study on the Problems and Reform Path of Young Pioneers Organization Construction under the Background of Mass Organization Reform. Master's Thesis. Zhejiang Normal University.

Management Regulations for Young Pioneers Instructors. (2023). China Youth Daily, 21 октября 2023 г. URL: https://qnzz.youth.cn/qckc/202311/t20231107_14892200.htm (дата обращения: 20.06.2026).

Notice from the Central Committee of the Communist Youth League, the Ministry of Education, and the National Working Committee of the Young Pioneers on

Issuing the "Implementation Plan for Comprehensively Building a Socialized Work System for the Young Pioneers in the New Era (2022–2025)". (2022). *Gazette of the Ministry of Education of the People's Republic of China*, (12), 26–29.

Opinions of the CPC Central Committee on Comprehensively Strengthening the Work of the Young Pioneers in the New Era. (2021). *Communist Youth League of China,* (2), 6–10.

References

Bochkov, D.V., Agisheva, O.M. (2024). The Movement of the Pioneers — a New Model of the Educational Space. Open Electronic Library of Scientific and Educational Resources of the Orenburg Region. Orenburg: OGPU Publ. (In Russ.)

Borisenkov, V.P., Peiheng, Zh. (2024). Features of teacher training for moral education of schoolchildren in modern China. *Sotsial'naya pedagogika v Rossii = Social Pedagogy in Russia,* (5), 85–95. (In Russ.)

Charter of the All-Russian Public-State Movement of Children and Youth "Movement of the First". (2025). (In Russ.). URL: https://будьвдвижения.рф/files/ustav-obshcherossiyskogo-obshchestvenno-gosudarstvennogo-dvizheniya-detey-i-molodezhi-dvizhenie-perv (accessed: 20.06.2026).

Charter of the Young Pioneers of China. (2025). *Communist Youth League of China*, (11), 20–22

Chen, L., Liu, Y. (2022). The History, Achievements and Experiences of the Party's Leadership in the Construction of the Young Pioneers since the Reform and Opening Up. *Youth Research and Practice*, (2), 60–68.

Dong, B. (2025). The Spark of Youth Illuminates the Journey of Dreams: A Retrospective of the Five-Year Work of the Young Pioneers of China. *Communist Youth League of China*, (11), 36–38.

He, L. (2019). A Study on the Problems and Reform Path of Young Pioneers Organization Construction under the Background of Mass Organization Reform. Master's Thesis. Zhejiang Normal University.

Leontiev, A.N. (2004). Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Smysl Publ; Academy Publ. (In Russ.)

Management Regulations for Young Pioneers Instructors. (2023). China Youth Daily, October, 21 2023. URL: https://qnzz.youth.cn/qckc/202311/t20231107_14892200.htm (accessed: 20.06.2026).

Mudrik, A.V. (2013). Social Pedagogy. Moscow: Academy Publ. (In Russ.)

Notice from the Central Committee of the Communist Youth League, the Ministry of Education, and the National Working Committee of the Young Pioneers on Issuing the "Implementation Plan for Comprehensively Building a Socialized Work System for the Young Pioneers in the New Era (2022–2025)". (2022). *Gazette of the Ministry of Education of the People's Republic of China*, (12), 26–29.

Opinions of the CPC Central Committee on Comprehensively Strengthening the Work of the Young Pioneers in the New Era. (2021). *Communist Youth League of China,* (2), 6–10.

Sitnova, A.A. (2023). Children's Public Associations: From Pioneers to the Russian Children's and Youth Movement "The Movement of the Pioneers". History of Formation and Development. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva = Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I.Y. Yakovleva*, (2), 142–151. (In Russ.)

Slastenin, V.A., Isaev, I.F., Shiyanov, E.N. (2013). Pedagogy. Moscow: Academy Publ. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ли Бо, аспирант Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Российская Федерация, bolee1552@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0005-2084-1215

Роза Алексеевна Валеева, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики Института психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета; приглашенный профессор Ляонинского педагогического университета, Далянь, Китайская Народная Республика, valeykin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8312-4054

Янь Линьлинь, аспирант кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Российская Федерация, linyan@kpfu.ru, https://orcid.org/0009-0009-3214-8126

ABOUT THE AUTHORS

Li Bo, Postgraduate Student, Institute of Psychology and Education, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, bolee1552@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0005-2084-1215

Roza A. Valeeva, Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Head of Pedagogy Department, Institute of Psychology and Education, Kazan (Volga Region) Federal University; Visiting Professor, Liaoning Normal University, Dalian, People's Republic of China, valeykin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8312-4054

Yan Linlin, Postgraduate Student, Department of International Relations, World Politics, and Diplomacy, Institute of International Relations, History, and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation, linyan@kpfu.ru, https://orcid.org/0009-0009-3214-8126

Поступила 29.04.2026. Получена после доработки 27.05.2026. Принята в печать 13.07.2026.

Received 29.04.2026. Revised 27.05.2026. Accepted 13.07.2026.